

5 Иоганн Вольфганг Гете

Великий немецкий писатель Иоганн Вольфганг Гете прожил большую жизнь. Гете родился в 1749 году во Франкфурте-на-Майне и умер восьмидесяти трех лет в Веймаре. Сто сорок три тома составляют его труды в веймарском академическом издании.

Более ста лет прошло с тех пор, как Гете умер. И столько же лет буржуазия плетет вокруг его имени лживую легенду. Она канонизировала Гете как олимпийца, как «великого старца», невозмутимого созерцателя, в ком якобы гармонически примирились все жизненные противоречия. Современные фальсификаторы истории, бизнесмены англо-американской лженауки, пишут о Гете, как «гражданине мира», — равнодушно к судьбам своего отечества. — космополите, произведения которого будто бы были чужды немецкому национальному характеру и национальной основе. Подобные циничные и нагло-спекулянтские легенды обречены, конечно, на позорный провал.

Иоганн Вольфганг Гете начал свой литературный путь драмой «Гец фон-Берлихинген», о которой высоко отозвался Маркс, а Энгельс писал, что она является «драматическим восхвалением памяти революционера».

«Гец фон-Берлихинген» был произведением новатора. В отличие даже от передовых своих современников молодой Гете показал героев этой драмы не отвлеченно, а на фоне конкретных исторических событий времен реформации и крестьянских войн. Для Гете Гец — светлый образ борца за будущее; защитник идеи централизации, объединения Германии. Появившийся вслед за тем «Прометей» был проникнут духом бунтарства, боевым духом протеста.

В 1774 году появился роман Гете «Страдания молодого Вертера» — книга, которой была суждена мировая слава.

В чем же был успех этой книги, воспевавшей страдания немецкого юноши от несчастливой любви и кончающего самоубийством?

К 200-летию со дня рождения

Дело заключалось в том, что сентиментальная история Вертера импонировала немецкому бюргерству. В «Вертере» Гете выразил конфликт личности с действительностью тех лет. Дух времени, предреволюционный, тревожный, наложил свой отпечаток на эту сентиментальную повесть.

Энгельс называл Гете «непокорным гением». Он говорил, что Гете «колоссально велик», а в то же время замечал, что Гете не всегда мог и умел отделаться «от дуга немецкого филистерства». В этом была не только частная, личная трагедия Гете. В ней отразилась другая, социальная, трагедия немецкого народа, в эпоху Гете раздробленного, разделенного на десятки отдельных княжеств, страдавшего от деспотизма князьков, пережитков феодализма и незрелости немецкой буржуазии, еще мало-сильной, не объединенной для борьбы за будущее.

Естественным продолжением «Вертера» было бы крушение существующего несправедливого порядка вещей, ломка социального строя. Но восстание в раздробленной, политически инертной Германии того времени было невысказано... Гете не может примириться ни с этой жизнью, ни с пассивным созерцанием ее. В 1775 году он переезжает в Веймар, к герцогскому двору, где пытается влиять на ход государственных дел, провести реформы по освобождению земледельцев от налогов-податей, которые они платили церкви и помещикам.

Сколько елейных, ханжеских слов наговорено буржуазными фальсификаторами истории литературы о «веймарском Гете». Будто бы тут, при дворе карликового герцога, в должности министра страны-лилипути, великий поэт и обрел то величавое

спокойствие невозмутимого старца, которое до сих пор так прельщает буржуазных псевдо-литераторов и, еще больше, прожженных политиков.

Действительно, веймарские реформы Гете почти не увенчались успехом, а затхлая придворная жизнь веймарского периода оказалась на него свое влияние. В первое десятилетие своего пребывания в Веймаре он, по существу, молчит. Неспособность немецкого бюргерства к активной борьбе с пережитками феодализма привела немецкую буржуазию к стилизованному примирению с феодалами. В гнилой атмосфере этого примирения и родился гетевский классицизм, горькое разочарование в современности...

Гете пишет «Эгмонта» — отходную своим юношеским идеалам. Как некогда в «Гете фон-Берлихингене», поэт снова поднимает проблему социальной революции. Но герой ее уже не бунтарь. Он покорно подчиняется судьбе. Победные звуки Французской буржуазной революции доносились из-за Рейна тогда, когда Гете вместе со многими лучшими его современниками потерял, по выражению Энгельса, всякую надежду на будущее своей страны.

Гете испугался революции: как метод она была неприемлема для него. Однако позднее он признался своему другу Эккерману, что, вначале не поняв революции, он позднее убедился в том благе, которое она принесла. Так меняются взгляды. Пройдут еще годы, и, казалось бы, убежденный классик Гете скажет об одной из главных идей классицизма: «Она уже не соответствует более нашему образу мысли, она устарела... Это — платье, давко вышедшее из моды и уж не к лицу нам, как римская тога». Так Гете мыслитель и реалист брал верх над своей исторически обусловленной ограниченностью.

Работа над двумя произведениями длится на протяжении почти всего творческого пути Гете. Это «Вильгельм Мейстер» и всемирно известный «Фауст». Книги эти — воистину дело жизни Гете. И — какой многозначительный факт! — в произведениях второстепенных Гете, будучи в Веймаре, выступает как поэт классического,

оторванного от реальной жизни направления. В главных же своих книгах, в тех, куда поэт вложил всю кровь своего сердца, он предстает как великий реалист, активный, воинствующий современник.

По классическому определению Энгельса, Гете двояко относился к немецкому обществу своего времени. Он был враждебен ему, пытался бежать от него, «как в «Ифигении», — говорит Энгельс, — и вообще во время итальянского путешествия; он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькой насмешкой Мефистофеля. Или он, напротив, дружит с ним, примиряется с ним, как в большинстве его «Кротких ксений» и во многих прозаических произведениях... В нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с ним перемирие и привыкнуть к нему. Так, Гете то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер».

Прогрессивные народы мира ценят и любят в Гете именно этот «непокорный, насмешливый гений».

Немецкий народ чтит Гете как своего великого национального писателя, реформатора литературного языка, крупнейшего реалиста. Гете, говорил Белинский, «был полнейшим выражением Германии».

Но есть и другие люди. Для них Гете — это прежде всего «осторожный, всем довольный, узкий филистер».

В древнем Египте была такая профессия — гримировка умерших. У современного империализма тоже есть свои гримеры. Они хотят загримировать великого Гете по образу своему и подобию. Они выпячивают классицизм Гете, «забывая», что Гете сделал гигантский шаг к реализму не только в немецкой, но и в общеевропейской литературе.

Глубоко национальный поэт, он страдал, сознавая отсталость своей родины. Трудность немецкого бюргерства вырвала у Гете однажды горькую фразу о беспособности немцев развиваться в нацию. Современ-

ные «бизонцы», враги немецкого народа, враги Германии, объявляют Гете знаменосцем их идей, стремясь снова ввергнуть эту страну в мрак средневековья, раздробить ее.

Но Гете писал: «Да будет Германия настолько едина, чтобы немецкие талеры и гроши во всем государстве имели одну и ту же цену настолько едина, чтобы я мог провезти свой дорожный чемодан через все 36 государств, ни разу не раскрыв его для осмотра. Пусть будет она настолько едина, чтобы городской дорожный паспорт, выданный в Веймаре, не был признан пограничным чиновником соседнего государства недействительным, как паспорт иностранца. В пределах германских государств не должно быть речи о своей стране и «загранице».

Куда могут уйти от этих слов Гете англо-американские дельцы, стремящиеся разорвать Германию на клочки, расчленив ее! Куда спрячутся помогающие им в этом шумахеры!

Барлики из современной «Бизонии» объявляют Гете поэтом «вненациональным», космополитом, «гражданином мира». Лишь многого немецкий народ, они хотят отнять у него и Гете.

Но глубоко национальный гений, великий сын Германии, Гете принадлежит немецкому народу, плущему к своему возрождению и единству, он принадлежит передовому и прогрессивному человечеству.

Великий Гете сегодня с теми передовыми людьми Германии, которые ведут борьбу за ее возрождение, ее единство. Его наследство служит этой высокой и благородной цели.

Выступая на пленуме СВПГ, Отто Гротеволь с полным правом мог утверждать, что «творчество Гете пронизано идеями гуманизма». Гете, сказал Гротеволь, — «был глубоко убежден, что прогресс является законом развития человечества».

Не только для своих современников, но и для нынешней демократической Германии звучат гордые слова Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!

Александр ЧАКОВСКИЙ.

28 AUG 1949
ВЕСТИ
Москва